

Мир неподалеку.

Случайное проклятие

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Вената Галицкина

18+

Рената Галиуллина

**Мир неподалеку.
Случайное проклятие**

«Автор»

2026

Галиуллина Р.

Мир неподалеку. Случайное проклятие / Р. Галиуллина —
«Автор», 2026

4 октября 1922 года в маленьком провинциальном городке Пагей начальник горно-обогатительного комбината Йонок Перрер исповедуется у преподобного отца Елисея. После этого он оказывается втянут в водоворот мистических событий, которые переворачивают его жизнь и всё его представление о ней с ног на голову. Что скрывает этот на первый взгляд простой приморский город? И какую роль в этом играет морской конёк, случайно найденный за много миль до него?

© Галиуллина Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	6
Глава первая	7
Глава вторая	17
Глава третья	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Мир неподалеку. Случайное проклятие

18+. Художественное произведение. Все совпадения с реальностью случайны. Содержит упоминания алкоголя и наркотиков, а также ненормативную лексику. Автор не пропагандирует описанные действия.

Пролог

Аграрная революция родилась на вспаханных полях - там впервые земля перешла в собственность начинающих землевладельцев. Промышленная революция началась с разорения маккурских ткачей, решивших впоследствии повысить производительность труда. Научно-технический прогресс развернулся с появлением первых железных дорог.

Во второй половине XX столетия произошли новые глобальные перемены, начавшиеся на небольшом полуострове в восточной части континента Панарик. Точкой отсчёта последней - магической революции, которая вывела человечество на новую ступень развития, - считается сильный звездопад: его наблюдали жители западных государств летом 1924 года.

Однако сама магическая революция началась гораздо раньше - лишь часть событий попала в официальную хронику.

...Легенды гласят: когда-то давным-давно на территории хвоста Панарика жили люди, занимавшиеся изгнанием случайных проклятий. Лишь спустя столетия их записи были обнаружены военными Миллитала (А. Кавиталий, Утраченная форма магизмиков).

...22 июля 1902 года на полуострове Маврет произошло самое сильное землетрясение за последние триста лет. Впоследствии его назвали Великим Мавретским землетрясением. Но грандиозность его заключалась не только в силе и масштабах бедствия (эссе одного из учеников 8 класса лица имени Вак`ари Веда).

...Спустя два месяца - во время изучения древнего биома, открывшегося из-за подземного обвала - пропал один из ученых. Тело его так и не было найдено (из того же эссе).

...Позже государство Маврет обрело военную мощь, которой не было равных. Наряду с этим на его территории увеличилось число несчастных случаев с летальным исходом; жертвами становились дети и молодые люди (отрывок из исторического журнала Аруками 343).

Глава первая

14 сентября 1922 года, центральная часть континента Панарик. Ближе к полудню.

Покой и умиротворение. Единственное, что оно чувствовало, обитая в абсолютно инертном мире. Пока однажды впервые не увидело свет.

Будучи так же инертным, оно не проявило к нему никакого интереса. Однако в первый раз за свою бесконечную жизнь ощутило собственное движение. До него вдруг стал доноситься едва различимый грохот, и с каждой секундой тот становился всё громче и громче.

Спустя мгновение ослепительный свет заполнил пространство вокруг. Вмиг что-то невероятно мощное сжало его в тиски со всех сторон. И так же внезапно отпустило. От резкого перепада давления оно взорвалось, разлеталось по периметру на миллионы микрочастиц, но тут же инстинктивно собралось воедино.

И впервые узнало, что такое боль.

Она была невыносимой, мучила его, выворачивала наизнанку. Пока наконец не стихла. Очутившись, оно кинулось назад в благодатную тьму, но та в ту же секунду оглушительно захлопнулась прямо перед ним. Справа что-то взорвалось и откинуло его в бок. Накатила очередная волна дикой боли, вынудив его свернуться в плотный комок и застыть.

Боль сменилась сильным жаром. Когда стало прохладнее, оно снова почувствовало давление. Чтобы хоть как-то высвободиться, оно принялось активно менять форму: сжёжилось, вытянулось в тонкую нить, распласталось по поверхности. И нащупало при этом некий объект - стабильный, обтекаемый и прочный. Оно что есть мочи рвануло к нему и спряталось внутри.

Впервые за всё время пребывания в чужом мире оно почувствовало себя в безопасности. И наконец смогло замереть.

Ему всё ещё было довольно неудобно. И к этому никак не удавалось привыкнуть.

Внезапно объект, в котором оно пряталось, резко взлетел вверх, начал медленно перемещаться вокруг своей оси, затем опустился вниз. Что-то ударилось о край объекта и принялось неприятно тереться и лязгать по нему. Во всём калейдоскопе ощущений оно смогло уловить некую ритмичность, словно кроме самого объекта и его соседей двигалось что-то еще, будучи более глобальным, и именно последнее задавало тот самый ритм.

Вдруг оно услышало позади себя приглушённый звук.

- Как улов? - крикнул старик по имени Кирма. Он зачем-то вернулся в разрушенный город из лагеря, раскинутого местными неподалёку.

Старик еле смог нагнать Велека - молодого волонтера из гражданских; его знакомый бодро шагал впереди.

Велек остановился, вытер рукавом взмокший лоб и полез в поясную сумку.

- Штук пятнадцать гильз, шесть снарядов, - принялся считать он. - И офицерские часы. Прямо в окопе нашел, представляешь? Только больно сильно они пострадали, бедные. Хозяин их уж на том свете отдыхает, поди.

Припадая на больную ногу, Кирма обошёл парня сзади и взглянул на циферблат в его руках - погнутый, с торчащим изнутри механизмом, без стекла и с обрубком одной-единственной стрелки; от ремешков остались лишь обугленные кусочки кожи.

- Да уж. Такие вряд ли кто-то купит, - согласился старик.

- Да нет, купят. Только за бесценок. Вот были бы они целее... - мечтательно сказал Велек, засовывая часы обратно.

- И всё? - Кирма с явным интересом заглянул в сумку.

- Нет. Есть еще кое-что. Очень уж необычное. Смотри.

Порывшись, Велек достал из сумки маленький предмет и протянул старику прямо в трясущиеся руки.

- Что это такое? - Кирма положил его себе на ладонь. - Что-то мне это напоминает...

- Ну давай, старик, вспоминай. Знаешь ведь. Мы на той неделе с тобой находили.

- Как будто от кассетного боеприпаса, - предположил Кирма.

- Именно! Но прелесть его не в этом. Ты на форму смотри.

- А что с формой-то не так?

- Приглядишься получше.

Кирма долго рассматривал осколок и совершенно не понимал, что должен увидеть.

Вдруг его осенило:

- На морского конька похож! - ахнул он, восхищенно рассматривая металлическую загогулину на ладони.

Велек активно закивал.

- Во те на... - рассеянно произнёс старик, удивляясь совсем как ребенок. - И правда ведь - голова, тело, хвост крючком. Ничего себе!

- Красиво, скажи? - Велек смотрел на Кирму и радовался тому, что смог приятно удивить его (в последнее время он частенько видел старика хмурым).

- Да уж, - Кирма продолжал замороженно смотреть на диковинку. - Много чего здесь видел, но чтобы такое!

Велек снял фуражку и, ощутив приятную прохладу, заигравшую во влажных волосах, прикрыл глаза и глубоко вздохнул.

- Честно говоря, себе его забрать хочу, - признался он.

- Не вздумай! - испуганно возразил старик. - Не надо домой это тащить. История больно уж нехорошая. Не к добру!

- Как же я не люблю суеверных людей... - Парень поморщился и забрал конька с ладони старика. - Вам средний палец не той стороной покажешь - уже плохая примета.

Кирма покачал головой.

- Молодой ты ещё. И глупый. Так вот принесёшь домой что-нибудь и забудешь возле люльки. А наутро спохватишься - да поздно будет...

- Тьфу ты, чёрт! - Велек испуганно отшатнулся от него. - Поганый твой язык! Разве так можно говорить?

- А я не глазливый, беду не наговорю, - возразил старик, переминаясь с больной ноги на здоровую. - Мне так бабка моя сказала. А она у меня точно знала, у кого хороший глаз, а у кого - плохой.

- Глазливый, не глазливый - мне всё равно! Сына моего больше в такие бредни не впутывай, понял?

- Ну ладно, прости уж, - виновато ответил Кирма. - Я же переживаю. За тебя и за семью твою. А конька этого ты отдай поскорее. Нехорошее у меня насчёт него предчувствие. Он, знаешь... будто живой, что ли.

- Ага, живой. В море плавал только что, - усмехнулся Велек, пряча конька обратно в сумку.

- Ну всё, хватит паясничать, - недовольно проворчал старик. - Ладно, думай сам. Ты мне лучше скажи - долго тебе ещё здесь ходить?

- Часа два-три, наверное. Маловат всё-таки улов. Железки сплошные.

Кирма хрипло и натужно рассмеялся. А потом закашлялся.

- А тебе чего - золото, бриллианты подавай? - спросил он, вытирая костлявой рукой рот.

- Но-но! Я же не мародёр какой. Просто ищу вещи с историей, которая помогла бы их продать.

- Если найдешь целые часы и они будут стоять, - обязательно их заведи, - принялся вновь напутствовать Кирма. - Хранить часы, которые не ходят, - плохая примета.

- Ага, конечно. И мертвец каждый день будет приходить ко мне домой в одно и то же время, - отшутился парень, чувствуя, как начинает раздражаться.

- Эх, молодость, - печально ответил Кирма. - Спорите да спорите всё время. Не слушаете стариков.

- Будь я на его месте, пару раз пришёл бы, потом дома у себя остался, - иронизировал Велек, не слушая старика. - Кастрюлями греметь да новых жильцов пугать. А на улицу выходить неохота.

- Шутников, говорят, в рай без очереди пускают, потому что Богу скучно, - проворчал Кирма.

От его слов Велек просиял.

- Хорошо, очень хорошо, - одобрительно закивал он. - А я уж думал, с юмором у тебя совсем туго.

Велек ещё раз вытер испарину со лба, поправил перекрученную лямку сумки и, не дожидаясь очередных советов от старика, подытожил:

- Ладно, хватит болтать. Пошёл я дальше.

- До вечера, - кивнул Кирма.

Он внимательно взглянул на парня слезящимися глазами, спрятанными под морщинистыми нависшими веками, и тихо проговорил:

- Ты всё ж-таки подумай хорошенько. И не глупи.

Велек легонько хлопнул его по плечу и пошёл вперед, выискивая на земле, припорошенной пеплом, что-нибудь интересное. Исследуя пустой город, он искренне радовался тому, что не видит трупы - почти двое суток назад местные жители, по заверению властей, покинули свои дома.

Пройдя порядка двух километров в глубь улицы и заглянув в парочку разрушенных зданий, Велек остановился в местном сквере, чтобы перекусить. Он стряхнул пыль с одной из скамеек, сел и достал самокрутку. Сделав пару затяжек, он посмотрел на грудку бетонных блоков неподалёку, еще вчера бывшей памятником. Над грудой едва заметно струился дым. Пахло горелым металлом; в носу у Велека пощипывало от пыли, взвешенной в воздухе. Где-то вдалеке, в северо-восточном направлении, время от времени громыхали прилёты.

Через некоторое время Велек увидел пса. Тот медленно, прихрамывая на переднюю лапу, подошёл к мусорной куче, которую ранее кто-то устроил в нескольких метрах от скамейки, и принялся разрывать её в попытке отыскать что-нибудь съестное. Велек достал из бокового кармана сумки бумажный свёрток, аккуратно расправил его края, вытащил один из бутербродов, припасённых на случай привала, и принялся жевать его, продолжая с интересом наблюдать за псом.

- Эй, дружок! Беги сюда, дружок! - крикнул он.

Пёс поднял голову и наострил треугольные уши. Худой, с опаленным левым боком, жилистыми длинными лапами и клочьями светлого подшерстка на фоне мышино-серой шерсти, он довольно хорошо вписывался в обстановку вокруг.

Велек свистнул и прокричал:

- Эй, дружок! Идем ко мне, давай!

Пёс окончательно оторвался от мусорной кучи и медленно побрел к Велеку. На полпути он остановился и принялся нюхать воздух. Велек достал из свертка второй бутерброд и протянул его псу.

- Ты совсем худой, приятель. Иди поешь, ну!

Мохнатый решился подойти ещё ближе. Велек прицелился и кинул бутерброд прямо ему под нос. Тот опустил голову, обнюхал его и вдруг совершенно неожиданно для Велека прижался к земле, оскалится и зарычал.

Парень неприятно удивился. Он поднес сверток с оставшимися бутербродами к носу и тщательно понюхал. Ничем посторонним, кроме колбасы и влажного хлеба, не пахло.

Велек ещё раз взглянул на пса.

- Ты чего, дружок? Колбасы с хлебом испугался что ли?

Тот продолжал рычать и скалиться. Неожиданно для Велека он вдруг ударил бутерброд лапой, тот подпрыгнул и перевернулся - части его по отдельности шлепнулись на землю.

Ошарашенный странным поведением пса, Велек рассеянно заглянул в глубину сумки и принялся рассматривать ее содержимое. Ему на глаза попался конёк.

Он, знаешь... будто живой, что ли, - промелькнули в голове слова Кирмы.

По спине парня поползли мурашки.

- Бредятина какая-то. Не может такого быть, - попытался успокоить сам себя Велек. - Это же все суеверия.

Он вдруг разозлился на Кирму и в сердцах выпалил:

- Да чтоб тебе пусто было, чёрт старый! Напугал почём зря!

Тем временем пёс, не переставая рычать, решил обнюхать бутерброд ещё раз. Он осторожно ухватил край колбасы зубами и отправил его в пасть. Проглотив колбасу, пёс оскалится на остатки - но всё же решил доесть и их.

- Голод не тётка, да, дружок? - спросил у пса Велек, продолжая опасливо коситься на свёрток в руках. Потом перевёл взгляд на конька.

Ему стало не по себе. Несмотря на неутоленный голод, Велек поспешно завернул свёрток и хотел было сунуть его обратно в сумку, но передумал. Вместо этого положил оставшиеся бутерброды на скамью рядом с собой.

- Оставлю здесь, подходи, ешь, - сказал он псу. Тот слизал последние крошки с земли, взглянул на парня, на бутерброды рядом с ним - и, потянув носом воздух, тут же развернулся и побежал прочь.

При виде этого Велек почувствовал внезапное сильное желание выкинуть конька, отбросить его от себя как можно дальше. Но не поддался ему.

Слова Кирмы - всего лишь сказки. Бредни старого маразматика. А мохнатый просто что-то напутал, - подумал про себя Велек.

Война ведь ломает не только людей.

Лишь выкурив ещё одну самокрутку, он смог успокоиться. Спустя полчаса парень уже шагал обратно, в направлении к лагерю, и мысленно прикидывал стоимость улова.

Когда Велек дошёл до лагеря, он отсалютовал солдатам на вахте и направился к пункту снабжения, где уже его ждал Багой.

- Что-то ты сегодня рано, приятель, - буркнул тот вместо приветствия, когда Велек зашел в одну из маленьких комнаток приземистой деревянной лачуги.

- Неурожайный день, - с грустью ответил Велек. - Разрушенных домов мало, а по целым я лазать не собираюсь.

- Ясно. Показывай давай.

Велек высыпал содержимое сумки на стол.

- Железки одни, - сказал Багой, едва взглянув на них. - Процентов семьдесят сразу на металлолом.

- Твоё право. Говорю же, неурожайный день. Зато смотри, часы вот есть.

Багой взял разбитый циферблат и принялся рассматривать его. Он небрежно кинул его обратно, отчего Велек поморщился.

Разворошив кучку еще раз, Багой достал из неё конька.

- А это что у нас? На крючок... Нет... на морского конька похож.

- Да-да, я тоже удивился, - закивал Велек. - Только вот...

Багой взглянул на парня исподлобья.

- Мм?..

- Я просто хотел сказать, что... Впрочем, неважно.

- Как знаешь, - Багой пожал широкими плечами. - Его я точно возьму. Вместе с гильзами.

Часы, так уж и быть, тоже. Тебе повезло, что они офицерские, есть за что цену набить.

Оставшуюся часть он сгреб на край стола со словами:

- А этих товарищей в утиль.

Веле крепя сердце кивнул.

- Так, Вел, - деловито сказал Багой, доставая из ящика стола карандаш и импровизированную книгу учёта - половинку тетради с расчерченными страницами. - За сегодня получается двести сорок - плюс я тебе с того раза должен пятьдесят. Итого двести девяносто. А за металлолом тебе как обычно братья отдадут. Видел их, на улице ошивались. Иди быстрее к ним, а то скоро ужин.

- Принял, спасибо, - поблагодарил Велек, принимая в руки смятую валюту.

- Завтра уж побольше принеси, - подмигнул Багой. - И поинтереснее. Да и в дома не бойся заходить. Если что, всегда можно свалить на солдат. Они те ещё мародёры, как оказалось.

- Ну, нет уж, - фыркнул парень. - Я своими принципами никогда не поступлюсь!

- Ничего-ничего. Вы все так сначала говорите. А потом вдруг раз - и приходите с графинчиками хрустальными. Или серёжками бриллиантовыми. Да такими дорогими, что мне вам платить нечем.

Но Велек не слушал - он с опаской смотрел на конька, лежащего на столе.

- Добро, Багой, - сказал он. - Самое большее, что могу предложить, - выйду завтра пораньше. Договорились?

Тот вздохнул и покачал головой.

- Договорились, - угрюмо повторил он за Велеком. - Моралист хренов. Развёл тут, понимаешь, детский сад. Ты бы ещё консервных банок насобира! Не знал бы твоего отца покойного, давно бы тебя местным шнырям сдал...

- Зачем это? - испугался Велек.

- Чтобы реальным делам тебя научили! А то у самого сын в люльке, а он в месяц еле-еле шесть тысяч собирает. А хрень, которую ты мне каждый раз таскаешь, только рукодельникам и продавай. Она больше никому и даром не сдалась...

- Хватит меня учить! - раздражённо перебил Велек. - Докопались. То Кирма, то теперь ты, блин!

Не желая больше слушать нотации, Велек направился к выходу. На улице он заметил братьев Кибит и пошёл напрямик к ним. Те стояли рядом со старым, наглухо забитым колодцем и о чем-то громко спорили.

Тем временем Багой принялся деловито упаковывать предметы, собранные за весь день. Получились среднего размера коробочки, доверху набитые ватой. Сверху на одной из них Багой указал адрес отправителя:

Логмель, провинция Ин-Кух[1], село Мили Марив*

*Прим. от автора: сноски находятся в конце каждой главы

От Багой Римлик-Тофа

И следом - получателя:

Маврет, западный округ, город Пагей, улица Церкви Святого Войтека, дом 15.

Эрмуру Сивасу -

и отставил её в сторону.

Спустя пару дней коробочка, адресованная мастеру Эрмуру, в числе других, подобных ей коробочек, въехала на территорию страны Маврет, расположенной на одноименном полуострове в самой восточной части континента Панарик. К вечеру почтовый поезд остановился на станции Пагей, которая жила своей неторопливой жизнью на окраине небольшого прибрежного городка. Коробочка долго лежала, ожидая своей очереди, пока один из проводников не вытащил её и не отнёс на перрон.

Уже на следующее утро она оказалась в руках мастера - тот заботливо принял её из рук почтальона и расписался.

- Ну, привет, дорогая! - торжественно произнёс Эрмур, как только закрыл дверь. - Ну-с, посмотрим, что тут у нас?

Он вскрыл коробочку, вытащил вату и аккуратно вынул крупный бумажный конверт. В нём Эрмур обнаружил гильзы, пару деформированных жетонов - при виде них мастер присвистнул, а также кусок металла, именованный, как М-2 (предположительно).

На дне коробочки оставался осколок непонятной формы. Эрмур взял увеличительное стекло и принялся тщательно рассматривать его.

- Ух ты! Даже морской житель присутствует, - выдал он восторженно. - До чего же интересный набор!

Конёк вместе с остальным содержимым был заботливо уложен на мягкую подставку - её Эрмур сразу же отнёс в мастерскую, где и остался, чтобы изготовить за день как можно больше изделий на продажу.

Конёк был в очереди пятым - после трёх гильз, жетона и вероятной части танка М2. Через некоторое время конёк оказался внутри продолговатого слитка стали, сваренного под молотом. Напевая "Птичка моя, ласточка, ты лети-лети. С севера от Соночки вестей мне принеси", Эрмур достал из шкафчика в углу мастерской металлический шаблон, расчерченный ровными линиями, приложил его к слитку и аккуратно обвёл чертилкой. Потом включил станок, обрезал слиток по намеченным краям, скруглил их на гриндере - и принялся большим пальцем левой руки прощупывать края на заусенцы.

- *Не делай горячо*, - отчётливо услышал он под носом.

Эрмур мгновенно замер и насторожился.

Через некоторое время он начал осторожно оглядываться по сторонам.

- Кто тут? - прохрипел Эрмур - и следом откашлялся; параллельно он продолжал искать источник голоса.

Вокруг никого не было.

- Да кто это сказал?! - крикнул Эрмур в пустоту мастерской.

Ответа не последовало.

Внутри у Эрмура всё замерло. Ошарашенный, он так и сидел, шаря круглыми глазами по углам.

Прострация вскоре сменилась растерянностью: теперь Эрмуру казалось, что фраза, которую он услышал, прозвучала не откуда-то снаружи, а прямо у него в голове.

- Что за причуды? - пробурчал он. - Показалось что ли?.. Да как показалось-то...

- Я же услышал... а откуда? И кто говорил-то?! - добавил он возмущённо.

Он снова принялся озираться по сторонам.

В мастерской всё оставалось на своих местах. Эрмур поднёс пальцы к вискам и принялся вспоминать услышанное. Он уже не помнил самого голоса - в голове остался только смысл.

- Горячо... что-то про горячо... Не делать горячо... Кому не делать горячо? Тебе не делать? - спросил он у стола.

Эрмур обвёл взглядом предметы, которые лежали перед ним: металлические опилки, карандаш, кружка с недопитым чаем, листы наждачной бумаги, заклепки для деревянной ручки, оселок, линейка.

И заготовка для ножа.

По спине Эрмура пробежал холодок. Он вспомнил, как ковал молотом светло-жёлтый слиток, прежде чем он стал этой заготовкой.

- Тебе что ли горячо? - тихо спросил Эрмур.

Сначала он усмехнулся. Но уже в следующий момент ему внезапно захотелось убежать из мастерской как можно скорее и больше никогда сюда не возвращаться.

- Так. Ладно, дружок. Рта у тебя нет - вот и не болтай больше, - отшутился Эрмур в надежде, что шутка успокоит его самого.

"Я разговариваю с ножом. Я, чёрт возьми, говорю с ножом!"

Нет, мне точно показалось... Переспал что ли?.. Надо было раньше вставать. А то голова весь день чугунная. От этого всякое и мерещится... - судорожно размышлял Эрмур.

Он потёр лоб и шумно выдохнул. Затем размял шею и потряс руками.

- Всё, хватит. Поехали дальше. Показалось мне.

Он взялся за работу и вновь принялся напевать птичку-ласточку" - ровно до момента, пока не вспомнил о закалке.

Эрмур смачно выругался. Он заставил себя сделать глубокий вдох, после чего сказал:

- Нет, дружок. Надо. Без закалки никак не обойтись.

В этот раз мастер решил подготовиться заранее. Он любил работать в тишине; однако сейчас достал с верхней полки шкафа радиоприёмник и врубил его на полную. И только после этого отправил заготовку в печь.

Как только та раскалилась докрасна, Эрмур тут же вытащил её и окунул в чан с маслом. Оно тут же воспламенилось; по мастерской пополз горелый запах. Эрмур с облегчением выдохнул, как только заготовка потемнела. Мастер пытался ни к чему не прислушиваться и сконцентрировался на словах марша, который начал играть из приёмника.

...Идёт вперёд наш бравый марш, идёт из Краполя[2] в Меркаш[3]".

Но у мастера уже не на шутку разыгралась фантазия. Ему чудилось, что кто-то посторонний стоит сзади и смотрит на него в упор. Намеренно громко подпевая радиоприёмнику, Эрмур обернулся - но никого, естественно, не увидел.

- И там, на берегу Вольны, нас встретят россыпью огни! - во всю глотку орал он, таращась на входную дверь, где красовался плакат главнокомандующего Миллиталем[4] Борека Дизацера.

Неожиданно Эрмур вспомнил о заготовке - к тому моменту она уже порядочно искупалась в масле. Мастер резко повернулся к чану и поднял щипцы.

Марш придал Эрмуру уверенности. Как и пара военных песен после. Горланя во всю глотку, он прошёлся заготовкой на гриндере еще раз. После чего отполировал её наждачкой - и проявил рисунок.

Получилась дивной красоты абстракция из неровных чёрных колец, расположенных так, будто в воду уронили горстку маленьких камушков. Мастер смазал клинок маслом и вставил его в деревянную рукоять, которую изготовил заранее.

Нож был полностью готов; Эрмур отправил его отдыхать в кожаный чехол. Но вдруг хлопнул себя по лбу со словами:

- Самое главное забыл!

Спустя время на рукояти красовался аккуратно вырезанный рисунок морского конька.

Доселе, прежде чем отправить в шкаф, Эрмур с гордостью и трепетом рассматривал каждое своё творение. Однако сейчас он чувствовал себя подавленным. Мастер, увы, никак не мог искренне насладиться результатом - при этом он с горечью осознавал, что нож являлся едва ли не самой лучшей работой за всю его практику. С тяжёлым сердцем Эрмур положил его к остальным изделиям.

- Всё. Закончил. Всем спасибо, я свободен, - сказал он им и закрыл шкафчик на ключ.

Эрмур вышел из мастерской, когда на небе уже вовсю играли, перемигиваясь друг с другом, звёзды. Он так сильно задумался о произошедшем, что машинально прихватил с собой включенный радиоприёмник.

Как только мастер зашёл домой, он поставил его рядом, а сам принялся быстро уплетать рыбный пирог, оставленный на столе. Мастер то и дело прокручивал в мыслях ту самую фразу.

- Что ж так орёт-то? - услышал Эрмур над правым ухом. Он вздрогнул и резко обернулся.

- Выключи радио! Марку завтра рано в школу. Разбудишь, не сможет уснуть и не выспится, - его жена Эль покрутила пальцем у виска.

Эрмур спохватился и тут же убавил громкость.

- Зачем так громко-то, Мур?

- Заслушался, забыл. Прости, дорогая...

Эль посмотрела на него совершенно испуганными глазами.

- Странно... а говорил, что любишь работать в тишине.

- Люблю, - Эрмур отвёл взгляд в сторону. - В этот раз просто скучно как-то совсем стало.

Решил включить - понравилось...

- Теперь всегда включать будешь? - Эль деловито смахнула крошки пирога с его бороды.

- Нет, не буду. В тишине оно, конечно, лучше работается.

Она удивлённо посмотрела на мужа. Тот вёл себя довольно странно - сидел в тёмной кухне и сжимал в руках включенный радиоприёмник. Сам Эрмур выглядел очень отстранённым. И каким-то слишком бледным.

- Дорогой, ты не заболел у меня? - Эль положила ладонь ему на лоб.

Эрмур взял прохладную руку жены, приложил к груди и глубоко задышал.

- Что случилось, Мур? - испуганно спросила Эль.

Эрмур молчал.

- Дорогой?

- У тебя было такое, - начал он тихо, - когда в голове вдруг какая-то фраза проносится, но рядом с тобой никого нет?.. Хоть раз?

- Господи, Мур, - выдохнула Эль. - Напугал меня.

- Не понял - так было или не было?

Она задумалась.

- Как-то раз мне почудилось, что кто-то над ухом сказал моё имя. Мне тогда было лет восемь.

- А тебе действительно почудилось? - неожиданно спросил Эрмур.

- Ну конечно, что за вопросы! - Девушка развела руками. - В восемь лет-то?

- Ну а мне-то не восемь, - обиженно проворчал Эрмур.

- Не восемь. А двадцать восемь. Ну и что с того?

Эль погладила Эрмура по голове. Он снова взял жену за руку, жалобно взглянул ей в глаза и прошептал:

- Я боюсь...

Понимая, что ситуация гораздо сложнее, чем показалось на первый взгляд, Эль придвинула стул, села рядом с мужем и спросила:

- Что конкретно ты услышал?

Эрмур замялся, но потом всё же решил признаться.

- Не делай горячо.

Эль нахмурилась.

- Что такое? - испуганно спросил Эрмур.

- А как она звучала?

- Как будто бы прямо в голове. Но голоса я не помню.

- Ещё что-то было?

- Нет... только это. Я грешным делом подумал на нож - в тот момент я как раз его делал. Я даже говорил с ним, представляешь? Теперь боюсь, что у меня того... крышечка свистит...

Эль придвинула стул ещё ближе и обняла мужа.

- Тише, Мур... Тебе показалось. Мне в детстве тоже показалось. Думаю, это нормально. Но если хочешь, можешь сходить к доктору. Записать тебя на завтра?

От слов жены и от её ласкового тихого голоса Эрмур, наконец, успокоился окончательно.

- Нет, дорогая. Ты права. Мне это показалось.

Спустя время, всё также сидя в обнимку с женой, Эрмур предался размышлениям.

- Мои творения для меня - словно живые. В каждое частичку себя вкладываю. Наверное, когда они в печи раскаляются, мне их жалко.

- Ну вот, видишь, - улыбаясь, сказала Эль. - Так что всё хорошо.

- Спасибо, любимая, - выдохнул мастер.

Эль встала, нежно обвила рукой шею супруга и поцеловала его в висок.

- Умывайся и ложись спать, дорогой. Я буду тебя ждать.

Тёплая грудь жены коснулась его плеча - Эрмур обнял её за талию и прижал к себе.

- Пара минут, и я готов.

Следом он изобразил восхищение:

- Быть полностью вашим, моя госпожа! От кончиков ушей до пальцев ног!

Эль прыснула со смеху, но тут же прикрыла рот ладонью.

- Да будет тебе. Птица говорун, - игриво ответила она. - Тише только. Ти-ише. А то сына разбудишь.

Но Эрмур её не слушал. Он закопался в ночной сорочке жены, которая успела впитать её сладковатый запах, и принялся целовать округлый мягкий живот.

- Ай, Мур, осторожнее. Прекрати, - Эль, тихонько хихикая, пыталась высвободиться. - Мур, хватит, щекотно же... Мур!

Эрмур вынырнул из-под полов сорочки и, широко улыбаясь, легонько шлёпнул супругу по мягкой ягодице.

- Пара минут, и я приду.

- Обещаешь?

- О-о-о-о, да! - шутливо протянул Эрмур и попытался опять нырнуть к животу жены - но она оказалась проворнее. Эль вырвалась из рук мужа и легко взлетела на лестницу, ведущую на второй этаж. Она развернулась вполоборота, подняла руку и поманила Эрмура за собой.

- Давай, - проворковала Эль. И продолжила подниматься по лестнице, нарочно оттопыривая бедра назад.

Эрмур непрерывно наблюдал за супругой, пока та не скрылась в глубине коридора. Он почувствовал приятное напряжение. Виски его, которые болезненно пульсировали с самой мастерской, наконец отпустило. Мастер немного посидел, потом встал и направился вслед за женой.

На следующее утро Эрмур - к его собственному удивлению - проснулся рано и сразу вспомнил события, произошедшие накануне. Он удивился тому, как собственная голова чуть было не довела его до нервного срыва.

До открытия лавки было ещё порядка трёх часов, однако Эрмур не разрешил себе спать дальше. Он поцеловал спящую жену, встал с кровати, немного размялся и спустился на кухню. После завтрака мастер направился в мастерскую, ёжась от утренней прохлады.

Он всё же немного колебался прежде, чем войти внутрь.

В мастерской всё лежало на своих местах. Эрмур взял коробку с ватой и принялся складывать в неё готовые изделия: пару кулонов, жетон, подвешенный на цепочке внутри стеклянной коробочки, и игрушечный танк с надписью М2 на часть брони, которая в прошлом принадлежала танку М2.

В шкафчике оставался только нож. Эрмур поймал себя на мысли, что прислушивается к нему, и поморщился. Он схватил его и быстро положил к остальным вещичкам.

"Мне всё это показалось", - твёрдо сказал себе Эрмур. Он сунул коробку под мышку и направился в гараж.

Как только Эрмур доехал до лавки, он первым делом выложил содержимое коробки на прилавок. И долго определялся со стоимостью ножа; в итоге мастер снизил цену на него до ста пятидесяти кор[5].

С момента, как всё было готово, до открытия оставалось ещё полчаса. Эрмур заварил себе ароматный логмельский кофе, присел на скамейку для гостей и принялся попивать его вместе с вишнёвой булочкой, купленной по дороге.

Ровно в 9:00 он подошёл к входной двери, повернул дверную табличку на "открыто" и щёлкнул замком. После чего встал за прилавок в ожидании первых посетителей.

[1]До осени 1922 года провинция Ин-Кух входила в состав Сарранкуда - государства, соседствующего с Логмелем по северо-западной границе. Осенью 1922 года территория провинции Ин-Кух была оккупирована объединённой армией Логмеля и Маврета.

[2]Город, расположенный в центральной части Маврета

[3]Столица Логмеля

[4]Миллиталь (военный блок) - одна из двух основных ветвей власти государства Маврет - наряду с Социалем (остальное правительство) - которые полностью сформировались к 1855 году и практически не изменялись вплоть до лета 1924 года

[5]Валюта Маврета - наряду с мелким могренем

Глава вторая

Двумя месяцами ранее...

16 июля 1922 года, Пагей. Время после полудня.

- Все от него в восторге! Говорят, он только и делает, что задает вопросы! - никак не мог унять Симон Каррамиш. - Он стоял рядом со своим другом, пока тот заглядывал под капот. - Сам якобы ничего не говорит, ни о вере, ни о Боге - вместо этого в конце даёт единственный ответ, и он является решением всех проблем. К нему в очередь выстроились чуть ли не до начала октября, можешь себе представить? Причём, не только из Пагея. Ты просто обязан его посетить, старина! Говорят, мол, одного раза вполне достаточно. И нет нужды записываться снова...

- Про один раз - враньё, - возразил Йонок Перрер, осматривая внутренности своей машины в попытке найти причину неприятного запаха в салоне. - Мои соседи ходят к нему каждое воскресенье.

Однако, рассказав об этом, он задумался.

- Хотя тоже говорят, что одной исповеди хватает, чтобы найти истинный путь... И это странно.

Йонок что-то подёргал; потом поднёс пальцы к носу и принялся.

- Они меня тоже убедить пытаются, - продолжил говорить он, вытирая руки тряпкой. - Но я не хочу, Симон... Пойми: как по мне, с этим отцом Елисеем явно что-то не чисто.

- Это почему это? - возмутился Каррамиш. - Я не вижу в нём ничего такого. Сколько людей уже через него прошли - и все довольны. Пока ты видишь в этом какие-то странности, я вижу талант от Бога.

Он обошёл друга сзади и навис над ним - теперь уже с другой стороны.

- А если он особенным просто взял и родился? Особенности ведь часто знаменитыми становятся. Целители, лекари всякие...

- Знахари, травники, ведуны, мошенники. Знаем таких. - Йонок ехидно улыбнулся. - В новостях на той неделе про инчурскую секту читал, кого в конце прошлого века накрыли. Особенных там было, конечно много, не спорю.

- Помню, - кивнул Симон. - Но я бы на твоём месте всё-таки не сравнивал очевидных мракобесов со святым отцом.

- Ты сам-то хоть к нему записан? Или только сказки рассказываешь?

Друг улыбнулся и гордо произнёс:

- Через полтора месяца пойду! Перед Днём Великого часа[1]. В праздники-то отец Елисей не исповедует, а вместе с другими ведёт службу. Вот! А ты говоришь - странный. Как все мы, чтит великие традиции.

- Такими аргументами меня не убедить, - подмигнул Йонок. - Тем более, что День Великого Часа у нас официально закреплён за церковью. Ну а мою позицию насчёт великих традиций ты знаешь.

- Знаю, - с досадой ответил Каррамиш. - И в корне с ней не согласен. Традиции - как и наша история - объединяет Маврет. Я, конечно, не такой фанатик, как остальные, но мне всё же хочется верить, что есть нечто большее, чем человек. Некая высшая сила, которая нас объединяет.

- Размышлял по этому поводу, - вспомнил Йонок, закрывая капот. - И пришёл к выводу, что человеку действительно нужна вера. Жаль, что моя голова работает иначе. Глядишь, так бы сильно не мучался.

- Совсем плохо стало?

- Да нет... Привыкаю потихоньку к старости на пороге. Стараюсь не думать о пенсии. Как и о том, что там меня ничего не ждёт.

- Ты, конечно, погибаешь так, - испуганно произнёс Симон. - Хоть самому в петлю лезь, ей Богу.

Йонок грустно улыбнулся.

- С Моной всё так же? - спросил Каррамиш.

- Да что с ней может быть не так? - Йонок поморщился. - Почти три месяца живём, как соседи. И кажется, её всё устраивает... А мне нравится, что больше нет никаких страстей.

- Да уж... их у вас было много.

- Это точно...

Йонок протёр тряпкой лобовое стекло любимой машины марки Пегас серебристого цвета. Потом повернулся к другу и посмотрел на него: внушительного вида брюнет с раскосыми глазами шурился от яркого июльского солнца. Йонок заметил морщины у него на лбу и печально опустил глаза.

- Все мы рано или поздно там окажемся... - тихо сказал он.

Симон нахмурился. Он подошёл к другу и крепко обнял его со словами:

- Прекращай, слышишь? А то я заплачу. Видал когда-нибудь, как плачут пятидесятилетние логмелыцы?

После чего отодвинулся и в шутку надул губы, жалобно глядя на друга.

- Умеешь ты меня развеселить, - улыбнулся Йонок. - Спасибо.

- На здоровье, - кивнул Симон. - Ну так что, запишешься к отцу Елисею? Хотя бы ради меня?

- Ладно, уговорил. - Йонок закатил глаза. - Только ты будешь первым, на кого я вывалю всё, что о нём подумаю.

- По рукам! - радостно отозвался Симон. - Заглянете к нам на огонёк сегодня вечером, кстати? Жена поросёнка в яблоках приготовит. Свежатинка. Сегодня утром забили.

- Отчего бы и не заглянуть? - поразмыслив, ответил Йонок. - Сын как раз с вами перед отъездом попрощается.

- Точно! Сильвер-то уезжает от нас. А я и забыл совсем. Эх, молодость... Помнишь, как мы отсюда драпали? Аж пятки сверкали.

- Папашу твоего помню. - Йонок скривил рот. - Как ссанymi тряпками тебя с порога гнал. Ты тогда, конечно, был несносным, чего уж греха таить. Хотя и сейчас такой же.

Симон громко рассмеялся, обнажив удивительно белоснежные зубы.

- Это да... Рогами упрись, и не свернёшь. Папка мой, царствие небесное. Жаль, так и не поговорили мы с ним.

- Мне вот не жаль. Если б меня с такими проклятиями провожали, моей ноги бы на пороге не было.

- А я вот скучаю по нему. Думаю о том, что мог бы прийти, поговорить. Да уже поздно.

- Ну всё, хватит. Только у меня настроение поднялось.

- Да-да, извини. Не хотел - так, просто вспомнилось, - виновато ответил Симон, похлопывая друга по плечу.

- Всё в порядке.

- Запишись завтра же. А я ещё приду к тебе, спрошу!

- Я уже понял, что ты от меня не отвяжешься, - вздохнул Йонок.

Он закрыл Пегас на ключ и добавил:

- Ладно, дружище, до вечера. Надо делать дела.

- Будем тебя ждать, - улыбнулся Симон.

Он попрощался и пошёл к своему дому, который стоял по соседству, оставляя Йонока наедине со своими мыслями.

На следующий день скрепя сердце Йоник всё же занял очередь к отцу Елисею на начало октября. Он не ожидал ничего хорошего и периодически размышлял о том, как было бы здорово просто взять и не пойти на исповедь.

Со временем Йоник понял, что боится этой встречи. Но ещё больше он боялся назойливости Симона - ибо его другу как пить дать придётся объяснять причины своего отказа.

Заветный день настал 4 октября 1922 года. То была пятница, и Йоник взял отгул на комбинате. Поздним утром он подъехал к церкви Святого Войтека.

Как только Йоник зашёл во внутренний двор, он подивился красоте местного сада. Он не видел его, когда посещал церковь ещё будучи ребёнком. По обе стороны храма росла симфония приземистых растений совершенно разнообразной формы - от пышных зелёных шариков и вытянутых кипарисов до кустов сизого, малинового и жёлтого цвета. Самые яркие растения обрамляли узкие каменные дорожки.

Однако Йоника больше всего удивили кусты в виде фигур животных, он смог разглядеть лебедя, кролика, жабу и даже какую-то диковинную зверушку с большими круглыми ушами: она стояла на задних лапах, прямо как человек.

Йоник не смог отказать себе в удовольствии пройтись по этому саду. Дорожка, по которой он шёл, заканчивалась плетёной беседкой, полуприкрытой ярко-жёлтыми кронами деревьев; чуть дальше расположился колодец с раскинутой над ним треугольной крышей. За ним Йоник заметил небольшой пристрой; окон его почти не было видно из-за буйно растущего красного плюща, усыпанного бледными зонтиками соцветий.

Возвращаясь обратно, Йоник почувствовал сладкий аромат душистого табака, что рос возле входа в храм.

Помолившись, он зашёл внутрь и уточнил у тучной монахини, куда следует идти. Монахиня провела его через парадную, центральный зал и небольшой коридор, стены которого были выложены разноцветной мозаикой. Она указала ему на дверь в конце этого коридора и, поклонившись, удалилась.

Йоник еле волочил ноги и ощущал сильную тяжесть в груди. Он остановился, задумчиво разглядывая мозаику - и через некоторое время понял, что чувствует невероятный стыд за некоторые стороны своей жизни, о которых ему наверняка придётся выкладывать во время исповеди.

Йоник поправил воротник плаща, пригладил волосы и только после этого решился открыть дверь. Он обнаружил себя в небольшой комнатке, освещённой приглушённым светом, - тот сочился сквозь единственное маленькое окошко.

Из-за ширмы донёсся приятный мужской голос:

- Добрый день, сиволь... Присаживайтесь.

- Добрый день, - тихо ответил Йоник и насильно опустил себя в уютное плетеное кресло возле ширмы.

- Как ваши дела? - спросил голос.

- Не знаю... нормально...

- Волнуюсь, - добавил он. После чего бесцеремонно - как ему показалось на тот момент - спросил:

- Вы же и есть знаменитый отец Елисей?

За ширмой послышался тихий смешок.

- Действительно знаменитый?

- Ну... Мне так сказали. Так что?

Повисла долгая пауза.

- Давайте с вами договоримся: вы всё же примете тот факт, что я и есть отец Елисей и перестанете задавать очевидные вопросы. Идёт?

Слова преподобного изрядно удивили Йонока. Отец Елисей - как и он сам - оказался довольно острым на язык. На фоне этого внутри Йонока будто бы возросло желание вести беседу дальше, но он остановил себя, понимая, что подсаживаться исключительно на личность преподобного, закрывая глаза на его сомнительную историю, - не лучшая идея.

- Итак, почему вы волнуетесь? - спросил преподобный.

Йонок помедлил. Но всё же решил уточнить:

- Ходят слухи, что вы задаёте только вопросы. И что только в конце даёте единственный ответ. И он якобы является таблеткой от всех проблем...

- Вы хотите узнать, правда ли это?

- Хотелось бы.

Йонок поймал себя на том, что пытается разглядеть силуэт за ширмой - та была слишком плотной, поэтому Йонок оставил эту затею.

Тем временем голос спросил:

- Что будет, если это вдруг окажется неправдой?

Йонок нахмурился.

- Интересные у вас вопросы, конечно... - пробормотал он.

- Что будет, если это вдруг окажется неправдой? - повторил отец Елисей с небольшим нажимом.

Немного поразмыслив, Йонок откинулся на спинку кресла и продолжил говорить - уже в довольно язвительной, как ему казалось, манере:

- Не знаю, что будет... да и думать об этом не хочу. А волнуюсь я оттого, что повсеместно вижу, как большинство людей верят почти в каждую чушь, главное - чтобы обёртка была красивая. И потом страдают. Поэтому лично мне попасться бы не хотелось...

- То есть вы боитесь мне довериться?..

- Очевидно! Как я могу доверять человеку, у которого одно решение на все проблемы? Как по мне - это бред полнейший.

- Может быть, договоримся, что вы дадите мне шанс, несмотря на то что тактика является для вас сомнительной?

- Не знаю... - Йонок осёкся на ширму. - Как-то странно это всё.

- Как вас зовут? - непринуждённо спросил отец Елисей.

- Йонок, - ответил он и перевёл взгляд на плющ, свисающий за окном.

- Расскажите о себе, Йонок?

- А это обязательно?

- А вы совсем-совсем не хотите?

- Насчёт совсем - не знаю... но в целом да.

- А если я скажу, что это необходимо - вы расскажете?

- Вот как вы завернули, - усмехнулся Йонок, - как будто у меня нет выбора.

Ответом ему было молчание.

- Ну хорошо, - согласился он наконец. - Хрен с вами... расскажу. Я законопослушный гражданин с довольно скучной жизнью. И не без греха. Родился в Пагее, с одиннадцати лет рос без отца, воспитан матерью, которая до сих пор любит мной командовать. В шестнадцать лет разругался с ней и уехал учиться в Сардарин[2]. Она тогда хотела, чтобы я был у неё под боком, видимо. Единственный ребёнок как-никак.

- Отучился, - со скучающим видом продолжил Йонок. - Встретил будущую жену. У нас родился сын, а через три года - дочь.

В тот момент на него обрушились неприятные воспоминания и вынудили его замолчать.

- Продолжите? - послышалось за ширмой.

- У вас же действует таинство исповеди? - уточнил Йонок.

- А почему оно вдруг не должно действовать?

- Да чёрт его знает...

В тот момент Йонок - как и ожидалось - действительно чувствовал стыд. Он долго сидел, собирался, но затем всё же решил впервые за всю свою жизнь признаться кому-то ещё, кроме своих друзей:

- Не хочу себя оправдывать... но, честно говоря, устал уже чувствовать себя виноватым. Я изменил своей жене. Через год, после того, как у нас родился сын. Я полюбил другую и уже хотел уходить из семьи. Но вовремя понял, что влюблённость всегда заканчивается, и вы просто-напросто начинаете зависеть друг от друга - в быту, из-за детей или денег... Как вы думаете, отец Елисей, в каком котле в Аду мне предстоит вариться за такое?

- Вы вернулись к жене? - спросил преподобный.

- Вернулся. Да вот только она обо всём знала, оказывается. Знала и молчала. А потом сама взяла и ушла к другому и забрала детей. Я не стал её останавливать - думал, что не имею права, раз сам поступил так же. После этого, помню, студенты ко мне на комбинат пришли, хорошие такие ребята. Я им понравился, не понимаю только, почему. Они взяли меня с собой на экскурсию в пещеры на северном побережье. Когда приехал обратно в город, узнал, что любовник Моны ударил нашего сына, и я забрал оттуда детей. Потом этот хмырь приложился кулаком и к ней. Она вернулась ко мне - я принял её без вопросов. Мона именно тогда мне сказала, что знала про мою измену и что, наконец, смогла меня простить, - и я её понял! У нас был тогда самый счастливый месяц - мы гуляли всей семьёй, веселились, катались за город почти каждые выходные. Я рассказал ей, что ездил на экскурсию. Знаете, я, с вашего позволения, всё же расскажу про неё и вам...

- Представьте себе, - мечтательно сказал Йонок, чувствуя, как с каждым словом к нему возвращается вкус жизни, - огромную каменную комнату, которую создала сама мать-природа! Инструктор рассказывал, как после землетрясения в тех пещерах был найден самый древний биом на планете - вообразите себе жизнь в полной темноте, и так - сотню миллионов лет! Жаль, конечно, что нас, простых туристов, туда особо не пускали - говорили, мол, в тех местах пропал один из учёных. Знаете, я ведь, честно сказать, с детства мечтал быть исследователем... и хотел бы оказаться на его месте, хоть это и опасная работа... Да вот как-то так сложилось, что вместо этого выбрал совершенно иной путь. Превратности судьбы, не иначе.

Йонок на секунду потерял мысль и замолчал.

- Ну так вот. Про пещеру, значит, - вспомнил он. - Каково было моё удивление, когда я увидел прямо перед собой огромный скелет настоящего динозавра, вмурованный в стену! Чтобы мне, Йоноку Перреру, почти пятидесяти лет отроду, довелось лицезреть такое - уму непостижимо! Я так Моне и говорил, что, мол, чувствую себя первооткрывателем, пускай даже следуя по пути, который прошли до меня сотни людей. Я предложил съездить туда ещё раз, теперь уже всей семьёй. Но прямо перед отъездом я узнал от жены, что, якобы, никогда не любил её, потому что поехал отдыхать, когда мы разошлись. Что я, видите ли, недостаточно страдал. По её мнению, я, видимо, должен был сидеть дома, тосковать и не высовываться. Я как сейчас помню - только она мне это выдала, я разозлился и стукнул кулаком по столу. А потом молча ушёл. И с этого момента она едва ли видит во мне мужа - я для неё теперь просто функция. Нет, я, конечно, тоже не без греха... Но скажите, отче, разве это нормально?

- Что именно?

- Вы меня вообще слушаете? - Йонок возмущённо глянул на ширму.

- Для вас ненормально быть для жены лишь функцией с учётом того, сколько боли вы ей причинили? - неожиданно спросил преподобный.

Сначала Йонок опешил. Затем сильно разозлился. Но уже в следующую секунду низко опустил голову и тихо произнёс:

- Вы правы. Я не имею права требовать от неё любви. Учитывая, что у нас все проблемы начались именно с меня...

- Так зачем вы пришли ко мне?

- Не знаю, - с грустью ответил Йоннок. - Ни за чем и за всем одновременно.

- Чего вы хотите на самом деле?

В комнате повисла тишина. Йоннок тяжело вздохнул, после чего встал и печально ответил:

- Знаете, святой отец... я наверное пойду... Вряд ли у вас получится мне помочь. Моя ситуация гораздо сложнее, чем у других. К тому же, я понял, что вы можете отозваться о ней довольно жёстко.

- Вы боитесь, что я могу ранить вас ещё больше?

- Да... Да и если смотреть правде в глаза, то вы бессильны что-либо сделать, - возразил Йоннок. - Поверьте мне. Не поймите меня неправильно - я просто не хочу занимать ваше время. Ведь решения моей проблемы, как минимум, нет и никогда не будет на этой земле...

В исповедальной снова воцарилась тишина.

- Часть времени я у вас уже отнял, - прошу вас меня за это простить. До свидания. - Сказав это, Йоннок направился к выходу.

- Довольно интригующе... - донеслось из-за ширмы. - А если я скажу, что всей душой хочу разделить с вами ваше горе, вы останетесь и поговорите со мной о нём?

От услышанного у Йоннока вдруг навернулись слёзы. Он тут же смахнул их и зажмурил глаза.

- Всё пытаетесь удержать меня... - нарочито бесстрастно ответил Йоннок, сглотнув подступивший к горлу комок. - Но я всё равно не смогу рассказать обо всём.

- Вы, видимо, боитесь, что я вас неправильно пойму?

- Я боюсь, что в лучшем случае вы меня совсем не поймёте. А в худшем - отправите в лечебницу для душевнобольных...

- Давайте я вам пообещаю, что этого никогда не будет, - и мы продолжим?

- Ну хорошо, - ответил Йоннок, всё ещё сомневаясь. - Надеюсь, мне удастся не оставить впечатление о себе, как о сумасшедшем.

Собравшись наконец с духом, он начал вести свой рассказ - с одного из вечеров накануне исповеди:

Сидя как-то раз на заднем дворе и тайком выкуривая вредную палочку - именно так, по его мнению, нужно было называть сигареты - Йоннок по обыкновению предался размышлениям. Он думал о том, что боится наступающей старости. Йоннок представлял, как та проглатывает его целиком, покрывает морщинами и складками, запирает в хрупком и немощем теле, окончательно лишая возможности чувствовать жизнь. Ещё немного - отъезд любимой дочери из дома, уход на пенсию - и всё: Йоннок Перрер отныне уже не сможет исполнить мечту маленького мальчугана, которым вот уже несколько месяцев становился во сне.

...Вглядываясь в темноту, тринадцатилетний Йоннок видел в ней непостижимые тайны, окутанные пеленой. Он вошёл внутрь, освещая себе дорогу тусклым фонарём. Шагая в одной рубашке, мальчик тряся и стучал зубами, однако продолжал упрямо двигаться дальше. На стене слева он обнаружил имена, нацарапанные угольком. При виде них Йоннок ничуть не расстроился. Он искренне верил, что увидит впереди нечто такое, чего никак не могли заметить другие.

То была волшебная дверь, высеченная в камне. Йоннок открыл её - и попал в лес джунглей. Навстречу ему вышли два существа с синей кожей. Они поприветствовали мальчика и позвали за собой. Йоннок последовал за ними - они прошли чуть дальше и оказались на поляне, освещённой таинственным светом.

Посреди поляны возвышалась хрустальная лестница. Йоннок поднялся по ней и увидел перед собой три двери.

Первая была металлической и холодной на ощупь. Он услышал за ней приглушённые голоса. Как только Йоннок заглянул внутрь, он увидел самого себя с короной на голове и в окру-

женин свиты - те представляли ему какие-то чертежи. Свита смотрела на короля Йонока в ожидании окончательного вердикта.

Металлическая дверь бесшумно закрылась.

Одно из синих созданий указало на вторую дверь - уже из дерева. Та была окутана туманом. Йонок приоткрыл её и увидел побережье моря, а над ним - полумесяц, что висел посреди полотна ярких звёзд... Вдалеке над морем возвышался огромный остров; недра его были скрыты за огромными кронами деревьев. Со стороны острова вдруг донёсся гул, и что-то невообразимо огромное возвысилось над ним. Оно взглянуло прямо на Йонока тысячью блестящих глаз.

- Это хозяин острова, - проговорило второе создание. - И он ждёт тебя.

- Что мне нужно делать? - спросил Йонок.

- Исследовать, - ответило существо. - Ты будешь первым, кому позволено быть здесь.

Когда придёт время.

Таинственная дверь закрылась; в тот момент Йонока с ног до головы обдало прохладным морским бризом.

В конце оставалась ещё одна дверь. Серая и тусклая. Мальчик приоткрыл её и увидел иссохшегося старца - тот сидел в пустой комнате, и в ней не было ничего, кроме стула и деревянного стола с одной-единственной догорающей свечой. Старик взглянул на Йонока. Глаза его, запавшие глубоко в серые глазницы, выражали невероятную тоску...

- Кто вы? - спросил Йонок.

Старик поднял костлявую руку и скрюченным пальцем указал прямо на него. Свеча мгновенно дёрнулась и потухла. Тьма начала засасывать Йонока внутрь - мальчик что есть мочи рванул назад, пытаясь высвободиться из её цепких лап.

Пока не проснулся у себя в комнате сорокавосемилетним мужчиной...

- К слову, этот сон впервые приснился мне, когда я ещё был подростком, - сказал Йонок, опасливо косясь на ширму. - Я тогда, помню, искал ту самую пещеру... Шастал по лесам и пещерам на окраине Пагея... Но очевидно не смог найти её. Я так впечатлился этим сновидением, что видел его чуть ли не каждую ночь до отъезда в столицу. Там уже меня накрыла бурная жизнь, и он перестал меня беспокоить. Уже после возвращения в Пагей я часто вспоминал о нём, и мне снилось что-то похожее. А несколько месяцев назад он вернулся - и теперь приходит почти каждую ночь. Один и тот же... точь-в-точь как в юности. И знаете, святой отец, я теперь боюсь смотреть на то существо над островом. А вот в третью дверь меня ой как тянет. Думаю, что тот старик - это я. И что последние минуты моей жизни будут именно такими.

Из-за ширмы донёсся глубокий вздох.

- А что с первой дверью? - спросил священник.

- Да, впрочем, ничего, - пожал плечами Йонок. - Хотя нет, есть кое-что. Теперь я стою там в окружении своих подчинённых, которые работают со мной на комбинате.

- То есть часть сна сбылась?

- Видимо, да, - согласился он, почёсывая подбородок.

- А почему вы боитесь хозяина острова, как думаете?

- Не знаю даже... Он всё так же смотрит на меня. Но синие существа стоят рядом и молчат. Я пугаюсь - и сам захлопываю дверь.

- Пропал дух авантюризма?

- В точку, - усмехнулся Йонок. - В этом-то всё и дело. Как я понял, за второй дверью находится мир моих грёз. Мир мальчика, который с детства любил зачитывать до дыр книжки про первооткрывателей и их приключения. Только, увы, вокруг меня всё уже открыто, причём довольно давно.

- Почему вас тянет третья дверь?

- Видимо, потому, что я уже полгода как мёртв внутри.

- Это из-за отношений с женой?

- Как у вас всё просто! - возмутился Йонок. Но, поразмыслив, добавил: - Хотя, кажется, так и есть. Я действительно не нахожу себе места рядом с близким человеком, который меня игнорирует.

- Вы хотите наладить с ней отношения?

- Не знаю. Думается мне, что там уже нечего налаживать. Честно говоря, я хочу съехать от неё.

- И встретить старость одиноким, в пустой комнате с одной-единственной свечой?

- Вы правы... Наверное, это моя судьба..

- Можно ли предположить, что ваша жизнь наладится, если Мона вновь примет вас? - спросил преподобный.

- Может быть, - согласился Йонок. Он немного помедлил и затем добавил:

- Знаете, это, наверное, звучит по-ребячески, но... есть ведь кое-что ещё. Точнее, кое-кто. Хозяин острова, который до сих пор ждёт меня. Но я, увы, никогда не смогу пересечь море, чтобы приблизиться к нему. Ни моря, ни Хозяина ведь не существует. Так что моё желание на мне же и заканчивается. Я, может, раньше и верил во всякие сказки, но с течением времени убедился, что мир гораздо проще.

- Как вы относитесь к религии? - вдруг спросил отец Елисей.

Йонок удивился неожиданному повороту беседы.

- Никак не отношусь, - ответил он, параллельно пытаясь понять, как последний вопрос преподобного соотносится с его рассказом. - Думаю, что людям необходимо верить. Но религия для этого не особо удачный инструмент... Слишком много в ней сейчас от человека и слишком мало - от Бога.

- А как вам война на островах?

- Что, простите? - Йонок удивился ещё больше.

Преподобный повторил последний вопрос.

- Уж извините, но я не хочу об этом здесь говорить, - поморщился Йонок. - Сами понимаете ситуацию.

- Может быть, опустим фантазии по поводу того, что я собираюсь сдавать вас кому-то?

- Сейчас всем известно, что следует держать мысли при себе. Поэтому нет.

- Полагаю, вы по ту сторону баррикад?

- Нет, святой отец, - не скрывая раздражение ответил Йонок. - Я ни на какой стороне. Как по мне, вся эта возня на островах - это то, что было, есть и будет, пока такие несовершенные существа, как люди, ещё находятся у власти. Мне нравится думать, что для утопии нам необходимо правление какого-нибудь бесконечного и вездесущего высшего разума, кто видит прошлое всех нас и может предвидеть будущее...

- Всё? Ответил? - следом спросил он. - А теперь можете сказать, к чему все эти вопросы?

- Ну а что с остальными социальными группами? Скажем, секта или какое-нибудь общественное течение - они ведь сейчас популярны. К чему-нибудь такому вы принадлежите?

- Да боже упаси, вы что такое говорите?! - возмутился Йонок. - Какая секта? Я абсолютный их противник. Ну а что касается общественных течений... - Он зачем-то принялся размышлять вслух, хотя всё указывало на то, что стоит прекратить делиться личным, ибо беседа выходила за безопасные рамки. - Я всегда был сам по себе. Меня, кстати, не понимают мои соседи и знакомые - я для них странноват, видимо. В барах меня не найти - на улице особенно тоже. Есть всего пара друзей, работа и семья. Нигде более не числюсь, ко всему происходящему вокруг отношусь довольно прохладно. В юности ещё, может быть, горел огонь бунтарства. Да вот потух, как только вернулся в семью.

- Вы в действительности думаете, что мир гораздо проще, и что в нём нет места для сказки? - неожиданно спросил преподобный.

- Что вы имеете в виду?

Вдруг Йоник услышал смех. Тот был каким-то странным, и он никак не мог понять, в чём конкретно заключалась эта странность.

- Не понимаю, к чему такие вопросы... - Йоник с опаской покосился на ширму. - Это что, такой способ привести меня к Богу?

Поразмыслив, Йоник не стал дожидаться очередного вопроса преподобного и разочарованно добавил:

- Я понял. Сейчас вы мне скажете, мол, в мире есть божественное начало, и оно скрыто для обычных глаз. И открывается только тогда, когда в него начинают верить. Нет, спасибо. Я уже сказал, что это не про меня...

- Вы любите додумывать за других людей, верно? - задорно спросил голос за ширмой.

- Почему это?

- Я разве говорил, что хочу привести вас к вере?

- Нет.

- Ну а зачем тогда вы додумали ответ за меня?

Йоник нахмурился.

- Было понятно из контекста...

- Давайте сойдёмся на том, что я не пытаюсь сделать из вас верующего, хорошо?

- Давайте. - Йоник развёл руками. - Тогда не понимаю, к чему все эти вопросы про религию, политику и секты...

И тут - как гром среди ясного дня - прозвучало:

- Вы готовы услышать мой ответ?

Йоник тут же замолчал и медленно перевёл взгляд на ширму. Он поймал странное ощущение: будто бы мир вокруг него вот-вот должен был перевернуться с ног на голову. Йоник поморщился, пытаясь отогнать его. Разве циничный скептик, каким он всегда старался быть, мог поддаться на такую дешёвую манипуляцию, как единственный ответ отца Елисея? Ну разумеется, нет!

- Вот так сразу? - прохрипел Йоник - и откашлялся.

А если всё-таки да?.. Может быть, тогда я смогу, наконец, стать счастливым?

- Спрошу ещё раз... Вы готовы? - повторил преподобный.

- Подождите! - выпалил Йоник. - То есть вы хотите сказать, что всего через несколько минут беседы у вас готов ответ, который решит все мои проблемы?

- Бойтесь, что он вас разочарует? - непринуждённо спросил преподобный.

- Конечно! Вы же не бесконечный и вездесущий разум! Отзывы о вас все до единого хороши, не спорю. Вот только люди не любят падать лицом в грязь перед другими - поэтому предположу, что не все из них правдивы!

- Да, в этом вы совершенно правы. Но только вам решать, подойдёт вам ответ или нет. Ну, так что?

Горячая волна тревоги внезапно окатила Йоника с ног до головы. Он принялся растирать себе грудь и глубоко и неровно дышал в попытке унять дрожь.

- Не знаю, что происходит... но я почему-то боюсь... Давайте, говорите уже...

На мгновение в исповедальной воцарилась тишина.

Наконец отец Елисей заговорил:

- Итак, Йоник... Мой вердикт насчёт вас таков. Первое. Поговорите-ка с женой по душам. Хватит уже обижаться на неё и думать, что одиночество - единственный выход. Как человек, вынужденный проживать в одиночестве, скажу, что по ту сторону - ничуть не лучше. Если вам нужны аргументы посильнее, чем мой собственный опыт, - вот, пожалуйста, первый: беседуя со множеством пожилых людей, я понял, что гораздо проще всё же разделить старость с кем-то, чем стареть одному. И вот второй: как-то раз я встретил пожилую пару и спросил, в чём

секрет их брака длиной в шестьдесят лет. Они мне в один голос сказали, что самое главное - никогда не покидать друг друга и всегда идти друг другу навстречу. Выбирать, конечно же, вам. Но если не последуете моему совету, действительно будете как тот старик в пустой комнате из вашего сна. Такой исход событий вас устроит?

Пока отец Елисей говорил, тревога Йонока медленно сменилась невероятной тоской. На его глазах невольно выступили слёзы. И ему было стыдно: за себя, за Мону и за весь этот нелепый мыльный пузырь, в который они раздули их маленькую семью, отчего она норовила вот-вот лопнуть. Йонок долго не решался ответить, потом тихо произнёс:

- Наверное, нет...

- Отлично, - тут же отозвался преподобный. - Рад, что вы со мной солидарны. Теперь второе. Что-то наподобие истории с Хозяином острова в действительности есть в мире вокруг вас. Только вы ничего об этом не знаете и поэтому не видите признаки его очевидного присутствия.

На фоне тоски Йонок долго осознавал последние слова священника. Но когда смысл, наконец, дошёл до него, мгновенно напрягся.

- Вы это о чём? - спросил он, подозревая, что речь идёт о пресловутых высших силах.

- О том, что в мире называют случайными проклятиями, - ответил преподобный. - То, что мы, однако, привыкли считать чёрной магией. Удивительно, но фраза тебе позволено быть здесь кажется как нельзя кстати подходит вам - с учётом нашей неожиданной встречи. Вот уж, действительно, превратности судьбы, не иначе.

- Тише... Мы ещё пока недостаточно о нём знаем... - вмешался паук, который слышал всю исповедь.

Слов паука Йонок не слышал.

Чуйка мне подсказывает, что он подходит, - последовал мысленный ответ, адресованный лишь пауку.

- Ч-что, простите?...

- Вдох-выдох, Йонок. Такое услышать очень странно, понимаю... Поэтому просто дышите.

- Да не надо мне этого! Что вы только что мне сказали?!

- А вам пока не нужно знать подробности. Главное - что вы подходите. Остальное узнаете чуть позже.

- Детали чего, чёрт возьми?! - Голос Йонока сорвался на крик.

- Вы не волнуйтесь так... Придите домой, выпейте чего-нибудь и отдохните. Самое главное - помните мой совет про жену. И не затягивайте с разговором, прошу вас...

Йонок потряс головой.

- Да какая, к чёрту, жена? Про какие проклятия вы мне только что сказали? Какая такая чёрная магия?!

- Тебе, конечно, обязательно надо было сказать про чёрную магию, - проворчал паук.

Да... как-то нехорошо получилось, - отозвалось в его мохнатой голове.

- Так, Йонок... Скажите мне, пожалуйста - что конкретно в моих словах вас так напугало?

- Очевидно, что всё! - выпалил он, закипая от злости. - Начиная с того, что мне сам отец Елисей говорит, что вокруг меня есть какие-то проклятия, о которых я, видите ли, не знаю!!

- Случайных проклятиях, - поправил преподобный.

- Да какая разница! Вы что - совсем меня с ума решили свести?! Подтвердить мои фантазии, чтобы я пошёл искать по свету то, чего нет, и в итоге попал в больницу с истерией? Вы этого добиваетесь?

- Совсе нет. Я просто дал вам правдивый ответ.

- Правдивый ответ?! - воскликнул Йонок, вскакивая со стула.

- Конечно, сиволь! Как же иначе...

- Ну, я вас сейчас достану оттуда за такой правдивый ответ... - Он резко откинул ширму, чтобы как следует надрать преподобному его наглую задницу.

И увидел за ней испуганное девичье лицо.

- Я сейчас всё объясню, - сказала девушка голосом преподобного, - и поморщилась. Затем постучала кулаком по груди и повторила ту же фразу уже по-девчачьи.

Недолго думая, Йоннок свалился в свой первый за всю его жизнь обморок.

- Какой кошмар, - вслух проворчал паук. - Ему и так тяжело живётся, а тут ещё ты...

- Я не думала, что *так*будет.

Девушка с досадой разглядывала лежащего на полу Йоннока и чесала затылок. После чего пролезла через окошко в исповедальную комнату и склонилась над ним.

Очнувшись, Йоннок обнаружил себя на чьих-то коленях. Он повернул голову и увидел знакомое лицо.

- Как вы себя чувствуете, сиволь? Голова не болит? - сконфуженно спросила девушка.

Йоннок отпрянул от неё и вскочил на ноги. Его тут же повело куда-то вбок, а в глазах резко потемнело. Девушка кинулась к нему с криком:

- Аккуратнее! - и едва смогла удержать его на ногах.

- Не н-надо, - промямлил Йоннок; в тот момент он всеми силами старался не поддаться внезапному приступу тошноты.

Но его всё же вырвало.

- Ничего, сиволь, я уберу, - мягко проговорила девушка, придерживая его под локоть.

- Не волнуйтесь.

- Извиняюсь, - пробормотал Йоннок, прижимая кулак ко рту. - Хотя нет, ничего подобного. Сами виноваты... Что это вообще было?!

- Простите, пожалуйста, сиволь. Я не думала, что вы так бурно отреагируете. Вы же сами сказали, что хотите приключений. А оказались к ним не готовы.

Йоннок вытер рукавом рот и взглянул на неё; в тот момент его всё ещё продолжало мутить. В глазах двоилось, и он едва ли сумел разглядеть девушку - лет двадцати пяти, кудрявые тёмно-рыжие волосы, тонкий нос, пухлые губы. Она была полностью одета в церковное облачение - за исключением непокрытой головы.

- Ну и кто ты, дивное создание? - язвительно спросил Йоннок.

- Почему сразу на ты? - возмутилась девушка, отпуская его локоть. - Мирай меня зовут. В Маврете, знаете ли, к таким, как я, принято обращаться на вы и через симма.

- В Маврете, знаете ли, не принято юным девушкам слушать чужие исповеди и говорить на них всякую чушь!

- И очень зря.

Он иронично выгнул бровь и, немного помедлив, спросил с опаской:

- Это что, получается - ты и есть великий отец Елисей?

- Получается, так, - кивнула Мирай.

- И как оно так вышло? И как ты говорила, как он, позволь спросить?

- Как вышло - сказать не могу, - выдала она голосом преподобного. - А говорю так, потому что талант к пародии имеется.

- Здорово... - В тот момент Йоннок, несмотря на своё далеко не лучшее состояние, действительно искренне восхитился, из-за чего - к его же собственному удивлению - почти перестал злиться.

- Спасибо, - поблагодарила Мирай уже своим голосом.

Он принялся массировать виски, в которых неприятно пульсировало, и спросил:

- Долго я валялся?

- Не больше минуты, - прикинула Мирай. - Извините ещё раз. Вам уже лучше? Может быть, пойдёте на свежий воздух?

Йонока до сих пор тошнило. Он тихонько кивнул и собрался было выйти из комнаты, но Мирай удержала его за плечо.

- Вы знаете, как выглядит настоящий отец Елисей? - поинтересовалась она.

- Нет. А что?

- Да так, просто. Я всё же настоятельно прошу вас не распространяться обо мне. Пусть всё остаётся на своих местах. Знаете, вы ведь первый, кому я открылась...

- Уж не знаю, радоваться мне или плакать, - раздосадованно ответил Йоник. - Честно говоря, я сейчас плохо соображаю. Когда голова пройдёт, у меня к вам будет очень много вопросов.

- И я с радостью на них отвечу! - улыбнулась Мирай. Она проводила его глазами, пока тот выходил из комнаты.

Идя по коридору, Йоник чуть было не впечатался в стену.

Он вышел из храма во внутренний двор и направился напрямик к колодцу. Йоник присел на скамью, приставленную к нему, и опёрся спиной о прохладный камень. Прошло несколько минут, прежде чем он сообразил, что пристрой, расположенный позади, был той самой исповедальной комнатой.

В его больную голову прокралась странная мысль, и он зачем-то решил привести её в действие. Йоник тихонько встал со скамьи, пригнулся и медленно подошёл к пристрою. Он осторожно заглянул через мутное окно.

Внутри Йоник разглядел Мирай. Девушка уже была без облачения - она вытирала пол и, как выяснилось спустя несколько секунд наблюдения, разговаривала сама с собой. Увиденное вызвало у Йонока отвращение. Однако оно быстро улетучилось, когда тот вспомнил, как сам же неделю назад расхаживал по рабочему кабинету и разводил беседу с собственными мыслями, подобно заправскому дипломату. Тем временем Мирай кинула тряпку в ведро и вышла в коридор.

Йоник оторвал взгляд от окна и направился обратно к скамейке; по совершенно непонятным для него причинам он всё же решил подождать девушку. Только спустя пару минут размышлений Йоник понял, что причиной этой оказалось банальное любопытство, и закатил глаза, попутно ругая себя за ребячество.

Вскоре он увидел, как Мирай вышла из храма и начала озираться по сторонам. Заприметив Йонока, она сразу же направилась к нему.

- Как вы себя чувствуете, сиволь? - спросила она, присаживаясь рядом.

- Терпимо, - буркнул он, не поворачиваясь к ней. Но потом всё же взглянул на девушку.

Их глаза случайно встретились. Он заметил необычный цвет её радужки: серо-голубые, с затемнением к внешнему краю. Внутренний её край имел золотистый оттенок и переливался на свету осеннего солнца.

- Что, нравится? - кокетливо спросила Мирай.

- Ни в коем случае, - мгновенно отрезал Йоник. - Рассказывайте, что там за проклятия такие, раз уж начали. И пока у меня голова варёная. Да я домой пойду, с женой разговаривать. Первый совет вроде как дельным оказался.

- Ну, нет. - Она мотнула головой. - С таким вашим настроением ничего не буду говорить. Какой толк, если меня всерьёз не воспринимают?..

Девушка отвернулась от Йонока и вальяжно расселась на скамье так, что ему пришлось потесниться. Подобное поведение изрядно смутило его. В тот момент она - как ему показалось - принялась совершенно беззаботно разглядывать кусты в глубине сада.

- А я-то думал, сейчас небылиц как наслушаюсь, - иронично произнёс он, пытаясь не выдать смущение. - Как скажу, что это всё бред собачий. Потом с чувством выполненного долга пойду восвоюси и больше никогда к вам не вернусь.

Мирай посмотрела на него - на её лице читалось лёгкое недовольство.

- Вот как?..

- Ну, а что вы хотели? - Он пожал плечами. - Скажите спасибо, что мне всё равно на ваши тёмные делишки. Будь я на лет десять-двадцать моложе, подмена преподобного вам бы с рук не сошла.

- Про подмену преподобного, выражаясь вашими же словами, вы толком ничего не знаете, - вкрадчиво ответила Мирай. - А если бы и знали, то поняли бы, что ничего тёмного в ней нет.

- Тогда зачем всё это? Только не говорите мне, что по доброте душевной. Не поверю.

Мирай хихикнула и снова отвернулась от него.

- Ну и не верьте, - бросила она. - Больно мне здесь нужна ваша вера. И без неё хорошо справляемся.

Йонок удивился её странному поведению. Оно даже показалось ему отталкивающим. Несмотря на своё любопытство, он наклонился к ней и тихо произнёс:

- Честно говоря, вы, дорогая симма, мне не нравитесь. Кажется очень подозрительной. Так что я прямо сейчас встану и уйду отсюда. Оставлю вас наедине с вашими странными махинациями. Крутитесь в них и дальше.

- Дорогой сиволь... - мгновенно парировала Мирай. - Я-то кручусь, не беспокойтесь. А вот вы придёте домой, весь такой скептический и праведный, а к вечеру опять перестанете находить себе место. Что там было с хозяином острова? Он, говорите, зовёт вас до сих пор с собой? Что в тринадцать, что под пятьдесят - видимо, так ничего и не поменялось. Добавились только морщины.

Её слова знатно кольнули Йонока, и он здорово разозлился. Однако быстро сумел вернуть самообладание и с достоинством ответил:

- Не посчитайте за комплимент, симма Мирай. Язык у вас, конечно, острый, не спору. Только настоятельно рекомендую не перебарщивать с этим...

- Вы злитесь на меня? - с интересом спросила она, заглядывая ему в глаза. Девушка легонько склонила голову набок - в следующее мгновение её взгляд резко скользнул по его рубашке вниз.

Неожиданно для Йонока всё то напряжение, которое скопилось в нём за утро, вдруг сползло вслед за движением её глаз и плотно укоренилось между бёдер. Он поперхнулся и смущённо уставился перед собой.

Повисла тишина. Где-то в кустах беспокойно застрекотал кузнечик.

- Честно сказать, я в некоторой степени вами восхищаюсь, сиволь, - медленно проговорила Мирай, нарочито понизив голос.

- За что это? - спросил Йонок и бросил на неё короткий взгляд.

- Я заметила, что язвительные люди самые умные.

- Вот как... И кто вам до меня попадался?

- Не могу сказать. Тайна исповеди.

- Ясно. Впрочем прикрываться ею очень удобно, не правда ли? - Он ещё раз быстро глянул на девушку и вернулся к изучению травы под ногами.

Йонок почувствовал неожиданный толчок в правое плечо и резко повернул голову. Он увидел, как Мирай кладёт руку себе на колено.

- Нет, сиволь, язва. Всё-таки вы мне нравитесь. Прав был паук.

- Кто, простите?

- Да так... Друг мой. Который живёт у меня в голове.

Мирай наклонилась к нему.

- Я шучу, - добавила она ласково.

- Понятно, - ответил Йонок, глядя на свои ноги. Напряжение в его теле усилилось.

- Ну так что - придёте ко мне в понедельник вечером? Часикам, скажем, к семи? - кокетливо спросила девушка. - Можете ждать прямо здесь. Тут ведь хорошо сидеть, правда? Красотища сплошная!

- Зачем это?..

- За информацией, дорогой мой. Пока только за ней. Вы, кстати, пьёте?

- Да так. Периодически. Можно было бы и поменьше, конечно, но как-то всё... - В тот момент Йонок отругал себя за излишнюю откровенность. Он вновь чувствовал нарастающее беспокойство.

- Отлично! Тогда будем считать, что в понедельник нас ждёт праздник. Жаль только, что мы не можем точно знать, чем он закончится.

- В каком смысле?.. - Беспокойство внутри него усилилось.

- Пока не время, сиволь, - таинственно произнесла Мирай. - Но совсем скоро всё-всё узнаете...

- Ну, всё, хватит! - не выдержал Йоник, вскакивая со скамьи. - Я понял! Вы наверняка из секты. Тайны, проклятия, странные вопросы, праздники. И колбасит меня туда-сюда, как меня с юности не колбасило: то злюсь, то боюсь, то сознание теряю! То ещё что-то... - К его щекам подступил жар, и он мотнул головой, пытаясь отогнать его.

- Знаю, как вы работаете! - выпалил он следом. - Сначала выпытываете личное, даёте конфету, а потом захлопываете капкан. Читал я о вас. Неужто инчурская секта снова у нас объявилась?

Какой крепкий орешек оказался, - мысленно сказала Мирай пауку.

- Да потому что формулировки ты слишком уж интригующие выбираешь. Испугался он. Как бы чего не наделал со страху... - беспокойно ответил тот.

В попытке снять с себя клеймо прожжённой сектантки, которым её наградила Йоник, Мирай резко встала перед его лицом и зарядила ему смачную пощёчину.

- Никогда, слышите?! Никогда не смейте причислять меня к сектам! - выпалила она, тыча ему указательным пальцем в нос. - Вы не знаете меня и фантазировать про мою причастность к таким ужасным вещам не имеете права!

От внезапной пощёчины Йоник опешил; слова Мирай звонко отдались в его голове.

- Ладно, - мгновенно отозвался он.

- Да что это за инчурская секта, не пойму? - спросил паук, переминаясь с ноги на ногу. Понятия не имею. Надо почитать.

- Ясно. Хорошо сыграно, дорогая.

Надеюсь, это его успокоило.

- Надеюсь, мы друг друга поняли, сиволь, - строго проговорила Мирай, - и следом мягко спросила: - Болит? Дайте посмотреть.

Йоник рассеянно покачал головой.

- Не нужно... всё нормально...

- Принести вам лёд?

Он снова отказался.

- При всём моём желании, я не могу пока что раскрыть подробности, - спокойно сказала Мирай, присаживаясь рядом с ним. - Лучше всё-таки приходите ко мне в понедельник - я вас кое-куда отведу, и это отнюдь не сектантское логово. Там вы сами всё узнаете.

- Я подумаю, - тихо ответил Йоник.

Он вспомнил про срочные дела и посмотрел на часы; было уже без четверти двенадцать.

- Мне пора. Всего доброго, - коротко бросил Йоник и поднялся.

- Всего доброго, Йоник, - ласково попрощалась Мирай.

Она смотрела на него, пока тот, сгорбившись и засунув руки в карманы, шёл в направлении к выходу.

- Наверняка создаст нам проблем, - проворчал паук вслух. - Возьмёт и пойдёт к руководству с жалобой, что отец Елисей на самом деле не тот, за кого себя выдаёт.

- Ай, прекрати, - отмахнулась она. - Руководство церкви молится на отца Елисея. Если они даже узнают про меня, то скорее предпочтут оставить нашу с ним авантюру в тайне.

- Всё равно он мне не нравится. Больно уж истеричный.

Мирай рассмеялась.

- Так вот заподозрит тебя в чём-то нехорошем, решит проследить. А там, может, и того...

- Так, всё! Начиная с этого я больше ничего не хочу слышать. Мы договаривались, кажется.

- Моё дело предупредить. Решение остаётся за тобой.

- Вот именно.

Мирай опёрлась локтем о край колодца, запустила пальцы себе в волосы и принялась чесать макушку.

- Теперь ответь мне, паук, - сказала она задумчиво. - Что ты думаешь о нашем новом знакомом - кроме того, что он, как ты выразился, истеричный?

- Пятидесятилетний мужчина с душой мальчишки.

Она кивнула.

- Неудивительно, что его *так* пугает старость. Он толком-то и не пожил. То под одной юбкой, то под другой. Но его видение мира... и желание быть не таким, как все... Я ведь недаром спросила его про принадлежность к религии и прочему. Я живу сама по себе - и мне нужен такой же. А его желание чуда? Столь яркое и такое невыполнимое... Оно ведь как раз исполнится, если мы с ним начнём работать вместе.

- Ещё мне нравится, как с ним общается его подсознание, - продолжила размышлять Мирай. - Что-то на грани с мистикой, не находишь? При этом я не чувствую в нём ничего магического.

- погоди, Мирай. Он не согласился на вторую встречу. И не факт, что согласится.

- Если так, то будет, конечно, печально. - Мирай с грустью поджала губы. - Но что-то мне подсказывает, что мы его ещё увидим. Но если нет - преследовать не буду, пусть живёт себе спокойно. А если да - у-у-у-х! Сработаемся на славу!

- Позволь мне выразить мои опасения? - спросил паук.

- Если они рациональные, то давай.

- Меня пугает перспектива того, что ты ненароком станешь третьей стороной в отношениях с его женой. С учётом того, что она плохо восприняла его прошлую измену.

В тот момент Мирай жутко удивилась.

- И с чего это вдруг мне становиться третьей стороной?

- Как он будет объяснять ей, куда пропадает после работы?

- Ах, вот ты о чём... Понятно. Да какая мне разница? Как захочет - так и объяснит.

- А если решит объяснить так, что она создаст нам проблемы?

- Каким таким образом?

- Не знаю... Пойдёт искать любовницу со своими подругами, как та женщина на той неделе. Или как другая, которая стёкла в доме любовницы разбила.

- Эээ, братец, - проворчала Мирай. - Такими темпами мне придётся учесть его детей, домашних животных, друзей, знакомых, коллег и даже личного врача!

- Ты знаешь, что мои опасения не напрасны. Я бы сказал, но мы ведь *договорились*, - недовольно пробурчал паук, язвительно выделяя конец фразы.

- Да господи! Мне что - теперь всю жизнь всего бояться? Я тогда просто сяду и буду сидеть до самой своей смерти! - раздосадовалась Мирай. - Если мне суждено помереть молодой, то так оно и будет, как бы я ни старалась всё учесть. С моей-то жизнью...

- Нам нужно проследить за ним. Посмотреть, каков он в жизни, - неожиданно придумал паук.

- Вот ещё! В чужое бельё я не полезу...

- Полезешь. Или так - или я своего согласия не даю! - Он упрямо вскинул мохнатую голову.

- Ну, здорово!... - Сказала, что преследовать не буду, а тут, оказывается, буду. Ну, спасибо, паук, большое...

- Я всё сказал.

Оба какое-то время молчали. Только когда раздражение Мирай, наконец, сошло на нет, она, наконец, трезво оценила ситуацию. Девушка с сожалением обернулась к пауку и сказала:

- Мой бесценный страх. Твои суждения на самом деле не лишены рационального зерна. Прости, что так бурно реагирую.

- Прощаю. Кузнечики мне за это полагаются?

- Да, - ответила Мирай, смеясь.

Она аккуратно взяла среднего размера мохнатого паука со своего затылка и разместила его у себя на ладони.

- Знаешь, паук. До того, как я создала тебя, как отдельное существо, твой голос постоянно был в моей голове и не замолкал ни на секунду. Тогда я тебя ненавидела. Но сейчас ты мне дороже всех на свете.

Мирай принялась гладить мохнатого по маленькой голове, с заботой рассматривая чёрные капельки его глаз. От комплимента и приятных поглаживаний паук разомлел; он уютно сложил под себя лапки и задремал, пригревшись на октябрьском солнце.

Йонок вернулся домой лишь под вечер. Он был очень раздражён после автомастерской, где чуть не разругался с мастерами по поводу возросшей цены за починку Пегаса. Кроме того, из его головы никак не могла выйти ситуация в церкви. Зайдя в дом, он поздоровался с женой - та стояла у плиты и помешивала овощи в сотейнике. Йонок подошёл сзади и нежно приобнял её, вспоминая первый совет.

Мона застыла. Когда Йонок отпустил её, она молча продолжила готовить ужин.

Нам надо поговорить, - хотел было сказать он, однако посчитал, что после столь трудного дня начинать серьёзные разговоры не стоит, и передумал.

Вместо этого он подошёл к холодильнику и достал оттуда прохладную бутылочку Лот Огеля. Затем взял из серванта рюмку и направился к себе в комнату на втором этаже. Раздевшись, он завалился на кровать и залпом осушил первую стопку. После чего вытащил из прикроватной тумбы портсигар и подошёл к окну. Прохладный воздух окатил тело приятной волной.

Йонок вернулся в кровать и выпил ещё. Охмелев как следует, он сам не заметил, как невольно предался фантазиям.

Йонок сидел рядом с Мирай и слушал её бархатистый голос. Он о чём-то спорил с ней, но лишь в шутку. Он явственно ощущал, как озорные огоньки то и дело вспыхивали и гасли между ними.

От ярких образов в груди и в паху Йонoka начало полыхать. Рука его машинально потянулась вниз, но он одёрнул её. Вместо этого он опрокинул подряд ещё три стопки, накинул халат на голое тело и деловито спустился вниз, к жене.

Та продолжала стоять у плиты. Йонок приобнял её сзади, жадно впился губами в тёплую шею и, улыбаясь, принялся целовать её как ни в чём не бывало. Он хотел было сжать её грудь, но вдруг услышал:

- Убери руки, Йонок. Этого не будет.

Нежность его сменилась презрением. Йонок отошёл от жены и хотел было сказать что-то язвительное, но на него вдруг нахлынула злобная досада.

- Да пошла ты! Сука каменная! Только и умеешь, что вы...ваться! - сквозь зубы процедил он. Затем резко развернулся и быстрым шагом пошёл обратно к себе.

Йонок влил в себя ещё четыре рюмки, выкурил дрожащими от гнева пальцами несколько вредных палочек подряд и заплакал.

Он повернулся лицом в подушку. Сквозь слёзы он во весь голос закричал:

- Я хочу умереть... Я не хочу так больше жить, господи!

Прожив всю свою боль без остатка, Йонок, наконец, смог провалиться в сон.

Ему снилась Мирай. Она сидела рядом и почему-то была недовольна им. Йонок, сконфуженно оправдывался. Однако вскоре они вдвоём прогуливались по побережью, освещённому лунным светом; Йонок рассказывал ей про остров, возвышающийся над морем, - она восхищённо внимала его словам.

- Мы можем отправиться туда вместе, - предложила Мирай.

И взяла его за руку.

- Можем, - согласился Йонок. - И отправимся. Только чуть позже.

Он взял её за талию, прильнул к сладким губам и принялся жадно целовать их. Мгновение спустя он положил девушку на прохладный песок и лёг между её бёдер. Йонок начал ритмично двигаться, ощущая невероятное блаженство, давно уже забытое им.

Прибой позади них шумел всё сильнее. Морской ветер приятно окутывал голую спину Йонoka. Наконец, большая волна окатила его с ног до головы.

От неожиданности он проснулся и понял, что с ним приключилось неладное.

Выругавшись, Йонок смял испачканную простыню и лёг обратно, пытаясь всеми силами удержать приятный сон. Но вместо этого провалился в пустоту и проспал так до самого утра.

[1] День Великого Часа ежегодно празднуется 28 августа. Праздник посвящён окончанию гражданской войны, которая произошла на территории бывшего государства Рет в 1850 году - и привела к распаду страны на Маврет (на востоке) и Иврет (на западе). Великий Час - момент подписания временным правительством пакта об окончании войны и разделении Рета на два независимых государства.

[2] Столица государства Маврет

Глава третья

Его разбудил звонкий голос:

- Пап, ты почему ещё спишь? Мы разве сегодня никуда не поедим?

Йена залезла к отцу на кровать и присела рядом. Прохладные ноги девочки приятно коснулись его плеча.

Смирившись с тем, что ему больше не дадут поспать, Йонок хотел было ответить дочери, что уже встаёт, однако на него вдруг обрушились воспоминания. Он рывком сел в кровати и обхватил гудящую голову ладонями.

Йонок вспомнил, что именно сказал Моне вечером и, зажмурившись, застонал.

- Пап, ты чего?..

- А?

- Ты чего, говорю? Мычишь...

- Мычу? А, да. Ничего, солнце. Я скоро встану.

Йонок легонько похлопал девочку по плечу. Она сидела рядом с ним в клетчатой рубашке, заправленной в светло-бежевую юбку - комплект, который он подарил ей на день рождения. В ушах блестели, переливаясь на утреннем солнце, бриллиантовые шарики. Девочка выглядела обеспокоенной.

Какая же она красивая, - подумал Йонок, глядя на неё. - И какой же я мерзкий рядом с ней...

Ему вспомнился прекрасный сон, который, однако, теперь не вызывал ничего, кроме отвращения.

Как собаке кость. Приходи, говорит, ко мне, расскажу тебе о чудесах. Конечно, как же. Дурак. Идиот! - принялся ругать себя Йонок.

Сорока восемью лет-то мне не хватило, чтобы перестать верить в глупости!

- Мама какая-то расстроенная. Она сказала, что ты вчера взял коньяк и пошёл к себе.

- Больше она тебе ничего не сказала? - испуганно спросил он.

- Нет. А должна была?

Йонок покачал головой. И тут же поморщился от сильной тошноты.

- Там немного оставалось, и я допил, - стыдливо ответил он, озираясь по сторонам. Ему на глаза попались окурки, лежащие на столе рядом с пепельницей.

- Ох, чёрт... Солнышко, давай ты пока выйдешь из комнаты, и я приберусь?

- Пап, всё в порядке, - снисходительно ответила Йена. - Мы все знаем, что ты куришь. Можешь перестать прятаться.

- Я не хочу быть для тебя плохим примером, - возразил Йонок, беря пепельницу в руки.

Йена потянулась к нему и попыталась забрать её со словами:

- Я отнесу.

- Нет! - выпалил Йонок. - Не отнесёшь. Вот ещё. Не хватало дочери за отцом дерьмо убирать.

- Пап, прекрати, - взмолилась Йена. - Не люблю, когда ты такой.

- Какой? - удивлённо спросил Йонок.

- Не знаю. Слишком... жертвенный. Мне от этого не по себе.

Он взглянул в глаза дочери.

- Правда?

Йена кивнула. Она всё же забрала у отца пепельницу и сгребла туда руками пепел, рассыпанный на столе. При виде её испачканных ладоней у Йонка сжалось сердце, и он отвернулся.

- Иногда я думаю, что недостойн своих детей. И что они слишком взрослые для своего возраста, - тихо проговорил Йонок.

Он не видел того, как Йена улыбнулась, расправляя скомканное одеяло. Но как только девочка потянулась к простыни в углу, резко вскочил и успел схватить её первым.

- Это я сам уберу, - возразил он, пытаясь не выдать смущение.

- Ты сегодня какой-то странный, - Йена нахмурилась. - У тебя всё хорошо?

- Конечно, солнышко! - ответил он, глупо улыбаясь. - Просто я... эээ... Коньяк на неё пролил. Руки испачкаешь, липкими будут. Зачем оно тебе...

- Ну ладно. Как скажешь. - Йена заметно удивилась.

Йонок издал сдавленный смешок и, почёсывая затылок, решил оправдаться:

- Понимаешь, солнышко... Вчера у моей коллеги родственник умер. Вирий предложил нам выпить вечером за упокой. По стопке, чисто символически. Но я как-то долго не пил, решил вот бутылочку добить. Мало там было, стояла почём зря.

- Ладно, пап, - смеясь, ответила Йена. - Это у какой твоей коллеги?

- У Мирты, - соврал Йонок. - Новенькой. Не думаю, что я успел тебе про неё рассказать.

- Не, не знаю такую, - со скучающим видом ответила девочка. Разобравшись с уборкой, она взяла в руки пепельницу и бутылку с рюмкой и собралась выйти из комнаты. Однако зачем-то положила всё это обратно и повернулась к отцу.

- Вы с лета спите с мамой отдельно, - в очередной раз подметила она.

Йонок ощутил щемящую тоску, что мигом сдавила его грудь, и ответил, пытаясь при этом выглядеть непринуждённо:

- У нас просто временные трудности. У взрослых так иногда бывает.

- Это из-за того, что она отказалась ехать с нами в пещеры? Ты ведь так хотел. Да и мы, честно говоря, хотели.

- Нет, солнышко, не из-за этого. У меня самого тогда не было возможности взять отпуск. Да и у мамы были дела. Ещё брата твоего мы собирали - ты сама видела, какая была морока.

- Сам он как будто не мог собраться, - фыркнула дочь. - Вечно за него всё делают...

- Не говори так. Он не мог заниматься всем самостоятельно.

- Ты же ведь смог тогда. В прошлом.

- Я - одно дело. У меня выбора не было. Мне бы никто не помог. Но я помню, как мне тогда было страшно. Я не хотел, чтобы с Сильвером произошло так же.

- Понятно, - вздыхая, ответи

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.